

РОЛЬ МЕМУАРНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ ЖУРНАЛА «МОСКВИТЯНИН»

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена первому этапу изучения скандально известного журнала «Москвитянин» (1845–1859). На начальном этапе исследования программы, сотрудников и цензурных взаимоотношений журнала, как и позднее, в первую очередь выдвигался вопрос о том, разделяет ли «Москвитянин» идеи славянофильства или принадлежит морально скомпрометированному направлению «официальной народности». В пользу последнего высказалось большинство ученых, в том числе А. Н. Пыпин, С. А. Венгеров и, отчасти, Б. Б. Глинский. Оно и закрепилось в науке на долгие годы. Им противостоял Н. П. Барсуков. Наш анализ показал, что скрытой задачей ученых было отмежевать «старшую редакцию», исповедовавшую идеи «официальной народности», от «молодой редакции», включавшей такие известные имена, как А. Н. Островский и А. Ф. Писемский. Тогда же сформулирована распространенная концепция, согласно которой сближение молодых западников с редакцией журнала было явлением, спровоцированным «случайными» (С. А. Венгеров) личными и историческим причинами: тесной дружбой между выпускниками Московского университета и временем общественной реакции.

Материалы и методы. Статья синтезирует сопоставительный, историко-литературный и журнально-критический методы.

Результаты. В процессе анализа удалось выяснить, что главным источником материалов и идей для своих концепций для всех без исключения первых исследователей явились мемуары оставшихся в живых сотрудников «старшей редакции» (М. П. Погодин) и «молодой редакции» (Т. И. Филиппов). Созданные ими воспоминания, в отличие от большинства традиционных – написанных на склоне лет и подводящих итоги жизни, носят полемический характер и выдвигают собственные концепции. Оба они категорически отрицают существование «официальной народности» и причисляют «Москвитянин» к одним из первых и самых славных периодических изданий русского славянофильства. М. П. Погодин раскрыл за желанием скомпрометировать свой журнал желание прогрессивной науки разоблачить приверженцев сильной царской власти, каковыми было и большинство славянофилов. Т. И. Филиппов доказал, что присоединение «молодой редакции» к журналу было идейным и добровольным. Они увлеклись народной песней как отражением русской культуры, презираемой западниками. Однако тяга Филиппова к возвеличиванию своего места в кружке дала повод критически настроенным ученым отвергнуть концепции, основанные на мемуарах. Анализ также показал, что наиболее напряженная полемика велась вокруг имени А. Ф. Писемского. Так же, как и в случае с изучением журнала в целом, нам удалось выявить формальные и идейные причины. Формально писатель не был так тесно связан с редакцией, поскольку служил в Костроме. В реальности же он первым создал исторический портрет-воспоминание о «молодой редакции» в своем романе «Взбаламученное море» (1863). «Москвитянину» Писемский, как и Островский, был обязан своим дебютом и публикацией лучших ранних произведений. У «молодой редакции» он позаимствовал и внешнюю, разгульную манеру поведения. Все это делает необходимой задачу углубить анализ и от регистрации внешних совпадений перейти к идейному анализу произведений Писемского, опубликованных в «Москвитянин», на основании чего можно сделать убедительный вывод, насколько они близки идеалам «Москвитянина».

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, М. П. Погодин, Т. И. Филиппов, С. А. Венгеров, Б. Б. Глинский, журнал «Москвитянин».

O. V. Timashova

ROLE OF MEMOIRS AT THE FIRST STAGE OF STUDYING THE “MOSKVITYANIN” (THE MUSCOVITE) JOURNAL

Abstract.

Background. The article is dedicated to the first stage of the analysis of the notoriously famous journal *Moskvityanin* (The Moskovite) (1845–1859). At the initial stage of researching the program, staff, and censorship relationships of the journal, as well as later, first of all the question was brought forward whether *Moskvityanin* shared the ideas of Slavophilism or belonged to the morally discredited movement of ‘official national ethos’. Most scientists spoke in favor of the latter, A. N. Pypin, S. A. Vengerov and, partially, B. B. Glinsky among them. This belief was fixed in science for many years. N. P. Barsukov withstood those scientists. The author’s analysis shows that the implicit task of the scientists was to differentiate the ‘old editorial board’, advocating the ideas of ‘official national ethos’, from the ‘young editorial board’, including such famous names as A. N. Ostrovsky and A. F. Pisemsky. It was then that the well-spread concept had been formulated. According to this concept the young westerners becoming close to the editorial board was facilitated by ‘accidental’ (S. A. Vengerov) personal and historical reasons: by a close friendship between the graduates of the Moscow University and the time of the public editorial board.

Materials and methods. The article synthesizes the comparative, historical-literature and journal-critical methods.

Results. The author found out that all the first researchers used the memoirs of the surviving members of the ‘old editorial board’ (M. P. Pogodin) and the ‘young editorial board’ (T. I. Filippov) as the main source of materials and ideas for their concepts. Their reminiscences, as compared to most of the traditional ones – created in later life and drawing some conclusions – are rather controversial; they put forward their own concepts. Both of them absolutely decline the existence of the ‘official national ethos’ and consider the *Moskvityanin* as one of the first and best periodicals of the Russian Slavophilism. M. P. Pogodin revealed that the wish to discredit the journal was hiding the desire of the progressive science to expose the minions of the strong crown, most of the Slavophiles being ones. T. I. Filippov proved that the ‘young editorial board’s’ joining the journal was voluntary and ideological. They were engaged in the folk song as the reflection of the Russian culture, despised by the westerners. But Filippov’s urge to glorify his own importance in the group gave way to the critically inclined scientists to reject the concepts based on the memoirs. The analysis also demonstrates that the most heated debate was around the name of A. F. Pisemsky. Just as in the case with studying the journal as a whole the author managed to single out formal and ideological reasons. Formally the writer was not so closely related to the editorial board since he worked in Kostroma. He was actually the first to create a historic portrait and reminiscence of the ‘young editorial board’ in his novel “Agitated Sea” (1863). Like Ostrovsky, Pisemsky was obliged to the *Moskvityanin* for his debut and publication of his best early works. He copied the ‘young editorial board’s’ externally dissipated behavior. All these facts make it necessary to have a more in-depth analysis, and, instead of registering outward coincidences, to start analyzing the ideas of Pisemsky’s works published in the *Moskvityanin*; based on which a convincing conclusion can be drawn that they are very close to the ideology of the journal.

Key words: A. F. Pisemsky, M. P. Pogodin, T. I. Filippov, S. A. Vengerov, B. B. Glinsky, the “Moskvityanin” journal.

Изучение изданий XIX столетия, в том числе близких славянофильству, представляет одну из задач современной науки. Интерес к этой ветви русской философско-публицистической мысли в последние годы растет: переиздаются документы и воспоминания, на основании их формулируются исследовательские концепции [1]. Тем более необходимым представляется бросить свежий взгляд на начальный этап ее изучения: выявить истоки современной полемики, ее закономерности и проблематику; вопросы, впервые поставленные и не разрешенные до сих пор.

1. Наука конца XIX – начала XX в. делает попытки пересмотреть отношение к менее известной и менее уважаемой, нежели западная, литературе и журнальной критике славянофильства¹, в контексте которой изучается журнал «Москвитянин».

А. Н. Пыпин первым попытался отмежевать заслуги «истинных» славянофилов от представителей «Москвитянина»: «...Славянофильские писатели в печатной литературе примыкали... к людям близкого с ними, но тем не менее особого направления...» (цит. по: [3, с. 376]). Как глашатай идей «официальной народности», доказывал ученый, журнал «Москвитянин» идейно скомпрометирован, и потому авторитет журнала признавался им крайне низким – «“Москвитянин” не пользовался уважением» (цит. по: [3, с. 376–377]). Пыпиным сформулированы тезисы, которые достаточно быстро превратились в штампы: указание на путаность и рыхлость славянофильских идей, ничем не обоснованное высокомерие славянофилов по отношению к западникам. И главное историческое обвинение, обращенное к сторонникам славянофильской партии, – в «витании в отвлеченностях» и неучастии в общественной жизни страны, «практических вопросах действительности» (цит. по: [3, с. 379–380]).

2. С аргументированными возражениями выступил не кто иной, как сам престарелый редактор журнала – М. П. Погодин. Он доказывал, что и славянофильство, и «Москвитянин» равно «не пользовались благосклонностью высших сфер» (цит. по: [3, с. 417]) за свободу высказываний. Погодин разоблачает точку зрения Пыпина, опираясь на его же собственные рассуждения: «...О религии и православии славянофилы и писатели “Москвитянина”... говорили одно и то же, о русской истории одно и то же... о характере русского народа одно и то же; о наших силах, о наших задатках – одно и то же» (цит. по: [3, с. 417–418]). Потому престарелый журналист именуется ее предвзятой,

---

¹ В некрологе второстепенного деятеля журналистики 1840-х гг. В. Ф. Корша особо отмечалось: «Русская литература потеряла в нем не только талантливого литературного работника, но и блестящего представителя той – увы! – рассеянной плеяды, в которой литературное имя и безусловная порядочность были синонимами. <...> В В. Ф. Корше умер один из последних представителей... того полустолетия, богатого... талантами, когда литература привлекала к себе все лучшее из общества и имела беспримерную силу и влияние... та эпоха, когда не литература подчинялась обществу, а общество литературе» [2].

Любопытно, что при жизни репутация В. Ф. Корша казалась весьма сомнительной: он приезжал вместе с Писемским к Герцену для объяснений и также не удостоился благосклонного приема.

«случайной»: «...Ему (*Пыпину* – *О. Т.*) непременно хочется отделить... писателей “Москвитянина” от славянофилов, и он помыкает ими по усмотрению...» (цит. по: [3, с. 417]).

Михаил Петрович оспаривает «официальную народность» как таковую. «...У Державина, Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя, какая была народность – официальная или нет?», – спрашивает старик (цит. по: [3, с. 421]). И доказывает, что истоком неприятия «официальной народности» явилось неприятие правительственной власти. Но разве «стоять за самодержавие» (как Карамзин или Вальтер Скотт, приводит примеры редактор), значит не «любить искренно и горячо свое отечество?» (цит. по: [3, с. 421]). Редактор уличенного в низкопоклонстве журнала продолжает демонстрировать лояльность правительственным сферам, заявляя, что, если в официальной «уваровской формуле появилось впервые слово “народность”, в... языке до тех пор неслыханное, за одно это слово должно помянуть добром Уварова...» (цит. по: [3, с. 421–422]).

Но Погодин колеблется, то считая, что «эту... неодносторонне понятую формулу принимают до сих пор многие серьезные русские люди» (цит. по: [3, с. 421–422]), то заявляя, что она оставалась лишь правительственным лозунгом: «Неужели г. Пыпин думает, что уваровская формула играла роль еще где-нибудь, кроме отчетов министра...?» (цит. по: [3, с. 418]). За этой противоречивостью – сложная фигура Погодина, с его житейской мудростью и журналистской ловкостью. Литературу гнали и будут гнать, констатирует он, а потому «у кого были мысли, тот мыслил... или выражал их, если имел... искусство... говорить... несмотря ни на какие цензурные пути» [3]. Для тех же, кто стремился снискать «дешевую популярность» [3] демонстративной фрондой, уваровская формула, как всякое доказательство правительственного давления, тоже была в некотором роде полезна.

Не менее важны для бывшего редактора литературные заслуги «молодой редакции» своего журнала. Он напоминает, что «в “Москвитянина” были помещены пять первых комедий Островского, из коих первая “Банкрот” могла и на свет выйти только благодаря его (“*Москвитянина*” – *О. Т.*) ходатайству...» (цит. по: [3, с. 421]). На втором месте по значению стоит в глазах редактора Писемский – «все первые повести Писемского...» (цит. по: [3, с. 421]).

3. К авторитету Писемского «взывает» и другой мемуарист «Москвитянина» Т. И. Филиппов – когда-то критик и гимназический учитель; бессеребреник, за которого Погодин не рискнул выдать любимую дочь. А теперь, по прошествии лет, важный чиновник, одно время прокурор Святейшего Синода. После кончины в декабре 1895 г. предпоследнего оставшегося в живых «москвитянина», актера И. Ф. Горбунова, Третий Иванович заявил, что его «особые отношения к почившему» «повелительно требуют слова» «как последнего за его смертью члена того литературного кружка молодого “Москвитянина”, в котором он получил свое художественное воспитание...» [4, с. 108]. Даже после смерти Филиппов оставался авторитетом во всех вопросах, связанных с авторами, дебютировавшими в составе «молодого “Москвитянина”». Примером может послужить празднование в Москве юбилея первой постановки Островского на сцене в 1903 г. Ею оказалась пьеса «Не в свои сани не садись», созданная в период сотрудничества Островского в «Москвитянина». Филиппов уже ушел из жизни, но на торжественном заседании по-

сле спектакля читалась его речь, построенная так, чтобы каждому стало ясно: именно славянофильские пьесы составили значительнейший пласт в творческом наследии драматурга: «...Счастлива была русская сцена, в жизни которой наступила новая эра... Глубокая народная правда пришла на смену чужеземной лжи, и неподкрашенная простота заставила потускнеть литературные блески...» [5, с. 199–200].

В последние годы жизни почтенный сановник развернул кампанию по популяризации наследия своих покойных товарищей в нужном ему русле. Помимо напоминания об историко-литературных заслугах «Москвитянина», Филиппов всячески подчеркивал свою роль как объединителя «молодой редакции»: именно ему удалось вернуть в лоно веры и народности западника Островского, а затем и остальных своих товарищей и препроводить их в достойный журнал, руководимый духовно безупречным издателем. Такое откровенное самовозвышение вызывало сомнения уже у первых читателей, не знакомых со всеми документами. Так, вдумчивый и эрудированный Б. Б. Глинский по поводу хвастливого заявления Филиппова, что он привлек в журнал Ап. Григорьева, вежливо замечает: «Здесь какая-то неточность в передаче почтенного автора. Григорьев считался сотрудником “Москвитянина” еще при Вельтмане...» [6, с. 545].

Активное участие принял Филиппов и в подготовке многотомной работы Н. П. Барсукова – «Жизнь и труды М. П. Погодина», кропотливость и богатство материалов которой сделали ученого фактически первым биографом «Москвитянина» от истории возникновения журнала до его закрытия¹. Николай Платонович прямо ссылается на его воспоминания в предисловии к 11-му тому: «Главы VIII–X, XII–XIII написаны, главным образом, на основании сведений, сообщенных Тертием Ивановичем Филипповым» [8, с. 58].

Мемуары Филиппова поддерживали заявления Погодина, развивая их на примере бытия «молодой редакции». Он поведал, почему встреча выпускников Московского университета оказалась знакомством единомышленников и сплотила вокруг журнала талантливых дебютантов. Поводом послужило увлечение народной песней, ее собирательство, соревновательное исполнение, подражание: «...Эта песня, и была главною силою, постепенно... выяснявшею основное мировоззрение кружка» (цит. по: [8, с. 87]).

Мемуарист вслед за Погодиным указал на историческую роль «Москвитянина» как первую в идейной жизни России активную оппозицию западничеству – главному общественному движению, начиная с петровского времени: «Не только Петербург, но и Москва – сердце России, отличались преклонением пред началом западной цивилизации. <...> “Отечественные записки”, Белинский, Герцен были на верху могущественности своего влияния...» (цит. по: [8, с. 87]). Причину того, что «молодежь и старые люди были одинаково заражены... господствующим направлением», Филиппов усматривал в противоположительственной фронде («суровая правительственная и по-

---

¹ «...У нас до сих пор нет истории нашей общественной жизни: есть... немало... подробных... биографий; есть много... рассказов в... мемуарах; есть истории официальных учреждений, – но все это не дает цельного изображения, так что в настоящем случае... хронологическое сопоставление фактов, связанное нитью биографии и приводящее в различные сферы нашей общественной, становится... весьма занимательным» [7, с. 728].

лицейская система того времени... придавала особую прелесть... противуправительственным движениям») (цит. по: [8, с. 87–88]). Не менее важную роль сыграли субъективные причины: соблазняющее влияние западной морали: «Самоуверенная наглость западников и разрешение на вся как провозглашение освобождения плоти от сдерживающих ее нравственных и религиозных оков... привлекало к такого рода проповеди сердца молодежи» (цит. по: [8, с. 87–88]).

Филиппов вынужден был признать, что религиозный аспект не сыграл решающей роли в эволюции будущих членов «молодой редакции»: «Религиозные убеждения старших славянофилов членам кружка... были тогда чужды, а потому им еще нельзя было сознательно говорить о церкви, униженной и попранной Петром...», хотя члены «молодой редакции» уже «чувствовали... что расшатан... один из вековых устоев народной жизни» (цит. по: [8, с. 87]). На первый план он выдвигает переосмысление европеизированного толкования истории России, унижающего национальное чувство: «Отвлеченному мышлению или... небрежению западников... рассечение исторического тела <России Петром> представлялось... естественным...» – и непосредственно вытекающее из этого протеста внимание к народному творчеству и как к способу сближения с народом, и как к источнику творческого вдохновения: «Допетровская Русь, еще живущая в <народной> песне... вызвала на сравнение... требовала критического отношения к противоположному ей строю» (цит. по: [8, с. 87]).

В качестве организованной оппозиции, резюмирует Филиппов опять-таки вслед за Погодиным, «молодая редакция» примкнула и укрепила единое общественное течение, ознаменовавшееся «славными именами Хомякова, Киреевских, Шевырева и других представителей старшего славянофильства...» (цит. по: [8, с. 59]).

Интересно, что главным аргументом в пользу своей теории, а также своего высокого авторитета в кружке Третий Иванович делает обширную цитату исторического характера из романа «Взбаламученное море» еще одного покойного «младомосквитянина» – А. Ф. Писемского, где яркими красками рисуется портрет самого мемуариста и то художественное впечатление, какое производило на окружающих пение Филиппова¹.

4. Столь же важны многочисленные ссылки самого Барсукова на деятельность в журнале второго, после Островского, по значению литератора: «В 1850 г. выступил в “Москвитяине” на литературное поприще Алексей

¹ – Тертиев поет! – воскликнул Венявин и, перескочив почти через голову Ковальского, убежал <...>. В биллиардной... увидели молодого, белокурого студента, который, опершись на кий и подобрав высоко грудь, пел чистым тенором:

– Уж как бы кто, кто моему горю помог.

Слушали его несколько студентов. Венявин шмыгнул с ногами на диван и превратился в олицетворенное блаженство.

В соседней комнате Кузьма (...половой), прислонившись к притолоке, погрузился в глубокую задумчивость. Прочие половые также слушали. Многие из гостей-купцов, не без удовольствия, повернули свои уши к дверям. Не слушали только – Проскриптский, сидевший, уткнув глаза в книгу, и двое его почитателей, которые, вероятно, из подражания ему, вели... довольно громкий разговор. <...> А из трактира, между тем, слышалось пенье Тертиева:

– Руки, ноги скованы, его красная рубаха вся-то поизорвана! [9, с. 131–132].

Феофилактович Писемский» (цит. по: [8, с. 61]). Доверяя Филиппову, Барсуков называет его и Е. Эдельсона в качестве идейно связующего звена между писателем и редакцией: «Он <Писемский> еще со времен студенчества был дружен с Т. И. Филипповым и знал Эдельсона. Филиппов впоследствии и познакомил его с другими членами “молодого Москвитянина”» (цит. по: [8, с. 61]). Мемуарист, видимо, намеренно не конкретизировал, имеет ли он в виду под расплывчатым «впоследствии» московское знакомство Писемского с Островским в 1846 г. (оно могло состояться и без посредничества Филиппова)¹. Или же Филиппов приписывает себе заслугу вовлечения Писемского в «молодую редакцию» в 1850 г.? Не имея строгих документальных данных, исследователь вынужден ограничиться ссылкой на дневник «старшего редактора» М. П. Погодина: «4 сентября 1850 г. А. Н. Островский привез (? – О. Т.) к Погодину повесть Писемского» (цит. по: [8, с. 61]).

Многочисленные упоминания о Писемском у Барсукова исполняли ту же функцию, что у Погодина и Филиппова: подтвердить идейное единство «молодой редакции» с программой славянофилов и заслуги журнала в деле продвижения молодых талантов.

5. Тенденциозные воспоминания Филиппова дали важное оружие в руки цепкого и скептического С. А. Венгерова. Его исследование «Молодая редакция “Москвитянина”. Из истории русской журналистики», появившееся в журнале «Вестник Европы» (февраль, 1886 г., кн. 2), было призвано оспорить пафос барсуковского труда и развить высказанные ранее в том же издании взгляды Пыпина на славянофильство как на реакционную и пассивную часть русской интеллигенции: «Разделение человечества на две резко-отличные части – Восток и Запад... смиренномудрие – как основная добродетель Востока... знаменитое провозглашение Запада сгнившим – ... эти теории были возведены миру на страницах “Москвитянина”» [11, с. 581–582]. Венгеров вынужден, после документов, опубликованных Барсуковым, сделать реверанс в сторону журнала («издававшийся... Погодиным и Шевыревым “Москвитянин” занимает видное место в истории нашей печати. Наравне с “Отечественными записками” и “Современником” он принадлежит к первенствующим журналам своего времени» [11, с. 581]) и его основателя: «Чтобы быть справедливым, необходимо добавить, что в квасном патриотизме Погодина, в его прославлении всего “русского”... было, помимо желания угодить, и очень много искренности... наивной и взбалмошной, но все-таки неподдельной» [11, с. 581].

Семен Афанасьевич подчеркивает близость журнала идейной оппозиции западничеству: «...“Москвитянин” был органом правоверного славянофильства... того круга идей, который люди сороковых годов обозначали словом... “шевыревщина”» [11, с. 581]. «Погодин... хотя и соприкасался довольно тесно с славянофильством... однако же никогда славянофилом, в строгом значении этого понятия, не был» [11, с. 585], – заявляет далее Венгеров, про-

---

¹ «В апреле месяце 1846 года был сделан помощником столоначальника, в этом же году... снова обратился к... литературным занятиям и написал роман... “Виновата ли она”... который не был напечатан, но... познакомил... с Александром Николаевичем Островским, писавшим в это время свою первую комедию “Свои люди – сочтемся”...», – вспоминал А. Ф. Писемский об этом периоде своей жизни в «Автобиографии» [10, с. 604–605].

твореча сам себе в стремлении оспорить ценность идей журнала. Примиряющий аргумент Венгерова фактически полностью нивелирует расточаемые в начале статьи похвалы редактору: «Собственно говоря, у него (*Погодина, видного историка и ученого – О. Т.*) ... не было строго определенного миро-созерцания» [11, с. 586].

Вслед за Барсуковым Венгерова подробно исследует внутрижурнальные взаимоотношения «старших» и «младших» членов редакции, но с прямо противоположными целями: показать, что сотрудничество в реакционном журнале «молодой редакции» – случайный, исторически вынужденный этап. Чтобы совершить эту историческую «ампутацию», ученому пришлось отмежевать «старую редакцию», во-первых, от «молодой», во-вторых, от Гоголя! Изображение Погодина пропагандистом «официальной народности», прихлебателем правительства, выражавшим «взгляды известных сфер», объективно противоречит тезису Венгерова – что отношения Гоголя с московским кружком были исключительно тесными: «“Москвитянин” относился к нему (*Гоголю – О. Т.*) с... молитвенным восторгом, перед которым бледнело даже восторженное отношение к творцу “Мертвых душ” Белинского и его кружка. Но... это... “гоголефильство”... было явлением чисто случайным... Дело... в тесной личной дружбе Гоголя с Шевыревым и Погодиным...» [11, с. 585]. Чувствуя, что дружба Погодина с Гоголем выглядит, по его же словам, явлением «ненормальным», Венгерова круто меняет логику рассуждений и возлагает на человека «без мировоззрения» обвинения в духовном уничтожении Гоголя – «довели (*Погодин и Шевырев – О. Т.*) его светлый ум и ищущую правды душу до “Переписки...” ...» [11, с. 585–586].

Помимо «внутренних» контраргументов, т.е. отрицания идейной связи между членами кружка и программных журнальных целей, следовало обрисовать причины «внешние». Для этого Венгерова обосновывает теорию глубокого кризиса «петербургской» литературы 1850-х гг. Исследователь вынужден признать очевидное поражение западной цивилизации в ходе знаменитых событий 1848 г., а также снижение ее морального авторитета после ухода идейных вождей – Белинского (умер) и Герцена (эмигрировал) [11, с. 600].

Разрубив таким образом исторические связи между Погодиным и славнофилами, Гоголем, с одной стороны, Венгерова обращает взгляд на «молодую редакцию». В его трактовке истории возникновения кружка преобладает эпитет «случайный». Критики Б. Алмазов и Е. Эдельсон ничтожны в глазах исследователя, поскольку «более эстетики, чем политики; обоим вопросы искусства занимали несравненно больше... социально-политических...». «...Это показывает, что присоединение их к “Москвитянину” было не органическое, а ... случайное» [11, с. 596], – делает парадоксальный вывод исследователь. Но даже крупные фигуры в его трактовке поддались стадному инстинкту: «Островский... по совершенной случайности завязал сношения с “Москвитянином”, отдавши туда первую крупную вещь свою... а за ним потянулись и другие...» [11, с. 597–598].

Иронический скепсис Венгерова достигает предела, когда речь заходит о Писемском: «В “Москвитянине” начал свою литературную деятельность Писемский – после Островского главная краса и гордость “молодой редакции”...» [11, с. 598–599]. Весьма нелестно ранее высказавшись в научной биографии и даже в некрологе (вызвавшем активные протесты знавших и лю-

бывших писателя) [12, с. 267], на примере его журнальной деятельности Венгеро́в продолжил разоблачение идейно-мировоззренческой шаткости Писемского.

«...Ничего не может быть случайнее присоединения Писемского к “Москвитянину”, – развивает ученый свою центральную мысль. – ...примкнул же он к “Москвитянину”... потому, что был в приятельских отношениях с Островским и Григорьевым» [11, с. 599]. Но, в отличие от остальных наивных «младомосквитян», Писемскому предъявляется прямое обвинение в двуличии и журнальной небрежности: «По трезвости своей натуры и глубокому скептицизму Писемский насмешливо относился к “патриотизму”... но Григорьев и Островский были ему симпатичны – он и отдал им валявшегося у него в портфеле “Тюфяка”» [11, с. 599]. «Зная Писемского как талантливого автора запрещенной цензурой “Боярщины”, Островский и Григорьев... пригласили его участвовать в “Москвитянине”» [11, с. 599], – это утверждение содержит очевидное противоречие, выдавая желание ученого замолчать важную в биографии Писемского деталь: «запрещенная цензурой» повесть и явилась причиной того, что следующие произведения так долго «валялись» в портфеле молодого писателя. Как свидетельствует эпистолярый Алексей Феофилактовича этого периода, обращенный к деятелям журнала, процесс публикации оказался столь же мучительным, как и у «Банкрота» Островского, и потребовал аналогичных усилий от всей редакции «Москвитянина»¹.

б. Резкие и в свою очередь очевидно тенденциозные выпады Венгерова побудили исследователей, в первую очередь Б. Б. Глинского, пересмотреть взгляды на «молодую редакцию», ее положение в журнале, программу и идеалы с целью создания объективной концепции, примиряющей противоположные точки зрения. В признании «официальной народности» «старшей редакции» ученый придерживается взглядов А. Н. Пыпина; но, подобно последнему, затрудняется ответить, чем, кроме «ненужных ударов» правительства и «нападений западников», отличалось положение Шевырева и Погодина от старшего поколения славянофилов [6, с. 560].

Переосмысление не могло не коснуться имени Писемского. И в строго документальной работе Барсукова, и в более эмоциональном изложении Б. Б. Глинского его труды и заслуги следуют непосредственно после Островского как второго по значимости члена кружка: «...“Свои люди – сочтемся” Островского и “Тюфяк” Писемского гармонически отвечали друг другу и... показывали читателям, что в литературе... народились новые люди... изучившие Россию и... те... классы, которые... хранят... русские... черты и... историческую народность» [6, с. 547]. Им же раскрывается формальный повод, который позволял ученым в этом усомниться: «Он (Писемский – О. Т.)... в качестве иногороднего обитателя не мог... числиться в его (“Моск-

---

¹ «Поруганный, измученный при жизни злосычными нападками... фаланги мелких писак, с которыми он, по прямоте и простоте своей не сумел поладить, заживо похороненный своими литературными врагами, – Писемский... был забыт... Но злой судьбе недостаточно было этого забвения... Она решила и за гробом мстить... подыскав ему в... критики и библиографы г. Венгерова, который... бесцеремонно поставил Писемского к позорному столбу...» [13, с. 24, 26, 29].

вотянина” – О. Т.) составе», поскольку оставался «типичным провинциалом» (проживал в Костроме) [6, с. 546].

Подвергнув сомнению пристрастные оценки Филипповым кружка и своей роли в нем, ученый сделал акцент не на общности идеологии, а на изучении нравственной атмосферы, или, по его определению, «духа» «молодой редакции»: Писемский «с его распушенностью, халатностью и жаждою... удовлетворения *органических потребностей*, с ненавистью к порядку, европейскому благочинию и дисциплине, был... под стать широким натурам... кружка Островского, среди которых... чувствовал себя... в своей сфере...» (*курсив автора* – О. Т.) [6, с. 547]. Из области идеологической в житейскую переводятся и размышления об отношении писателя к старшим редакторам при добавлении важных штрихов к его портрету: «Разница (с *остальными “младомосквитянами”* – О. Т.)... была та, что он (Писемский – О. Т.)... сумел поставить себя в отношении старшей редакции... в... определенные условия и сразу пресек... всякую возможность эксплуатировать себя...» [6, с. 547]. Причин, однако, исследователь не раскрывает.

Ученые XIX–XX в. в большинстве подхватили историко-литературную концепцию, разработанную С. А. Венгеровым. Не отличаясь, подобно Венгерову, тонкостью рассуждений, они прямо объявляют Погодина и Шевырева адептами «официальной народности» и торжествуют ту минуту, когда Островскому пришлось уйти из журнала, а «Москвитянин» прекратил существование [14, 15].

Проведенный нами анализ доказывает, что основополагающей особенностью, повлиявшей на научные разыскания начальной поры изучения «Москвитянина», явились свидетельства людей, видевших и помнивших эпоху. Мемуарные документы М. П. Погодина и Т. И. Филиппова должны быть снова приняты во внимание и переосмыслены.

Другой отмеченной нами особенностью, наложившей отпечаток на научные концепции начала XX в., явилось то, что исследование общих литературно-общественных тенденций и индивидуально-поэтических процессов протекало в сложной диалектической связи: изучение журналов, в которых тот или иной писатель сотрудничал, становилось аргументом в создании концепции «реакционного» и «прогрессивного» творчества, и наоборот. В этом отношении следует обратить внимание на принципиальную важность фигуры А. Ф. Писемского. За формальным поводом к исследовательским сомнениям (пребывание и служба в провинции, откуда писатель мог вырваться к друзьям и единомышленникам лишь на короткое время), следует осмыслить значение, какое представляет его творчество для понимания полемики о «Москвитянине» в русской журналистике; составе, идеалах и моральных нормах «молодой редакции». Все это делает необходимым дополнительное специальное изучение раннего творчества Писемского, опубликованного на страницах «Москвитянина»: как идейно-программное, так и сопоставительное.

Список литературы

1. Славянофильство и современность : сб. ст. – СПб. : Наука, 1994.
2. **Кирпичников, А. В.** Ф. Корш. Этюды, с биографией автора / А. Кирпичников // Новь. – 1885. – Т. 2, № 7. – С. 651–652.
3. Славянофильство: pro et contra. – М. : Изд-во Р. Хр. гум. академии, 2002.

4. **Филиппов, Т. И.** Памяти И. Ф. Горбунова (28 дек. 1895 г.) / Т. И. Филиппов // Горбунов И. Ф. Полн. собр. соч. / под ред. и с прим. А. Ф. Кони. – СПб., 1904. – Т. 1.
5. Московская драма. 50-летний юбилей первого представления комедии А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» // Ежегодное обозрение императорских театров. Сезон 1902–1903. – М., 1903. – Вып. 13. – С. 199–200.
6. **Глинский, Б. Б.** Раздвоившаяся редакция «Москвитянина» / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1897. – Т. 68, № 5. – С. 536–573.
7. **Т.** Конец сороковых годов. Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова / Т. // Вестник Европы. – 1897. – № 4. – С. 727–770.
8. **Барсуков, Н. П.** Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. – СПб., 1898. – Т. 12, гл. XXXIII–XXXV. Литературная деятельность А. Ф. Писемского и А. Н. Островского. – С. 87–88.
9. **Писемский, А. Ф.** Взбаламученное море. Ч. 2. Гл. 1. Трактир «Британия» / А. Ф. Писемский // Полн. собр. соч. : в 20 т. – СПб. ; М. : Товарищество М. О. Вольф, 1895. – Т. 9.
10. **Писемский, А. Ф.** Собр. соч. : в 9 т. / А. Ф. Писемский. – М., 1981. – Т. 9.
11. **Венгеров, С. А.** Молодая редакция «Москвитянина»: Из истории русской журналистики / С. А. Венгеров // Вестник Европы. – 1886. – Кн. 2. – С. 581–612.
12. **Писемский, А. Ф.** Письма / А. Ф. Писемский ; под ред. М. К. Клемана, А. П. Могилянского. – М. ; Л., 1936.
13. **Полевой, П. Н.** А. Ф. Писемский по его собственным биографическим заметкам / П. Н. Полевой // Исторический вестник. – 1889. – Т. 38. – С. 267–295.
14. **Нелидов, Ф. Ф.** Островский в кружке «молодого Москвитянина» / Ф. Ф. Нелидов // Русская мысль. – 1901. – Т. 33. – С. 1–37.
15. **Тотубалин, Н. И.** Творчество А. Н. Островского в журнальной полемике 1847–1852 гг. / Н. И. Тотубалин // Ученые записки Ленинградского университета. Вопросы истории русской журналистики. – 1957. – Т. 218, вып. 33. – С. 58–87.

References

1. *Slavyanofil'stvo i sovremennost': sb. st.* [Slavophilism and modern times]. Saint-Petersburg: Nauka, 1994.
2. Kirpichnikov A. *Nov'* [The New]. 1885, vol. 2, no. 7, pp. 651–652.
3. *Slavyanofil'stvo: pro et contra* [Slavophilism: pro et contra]. Moscow: Izd-vo R. Khr. gum. akademii, 2002.
4. Filippov T. I. *Gorbunov I. F. Poln. sobr. soch.* [Complete collection of works by Gorbunov I. F.]. Saint-Petersburg, 1904, vol. 1.
5. *Ezhegodnoe obozrenie imperatorskikh teatrov. Sezon 1902–1903* [Annual review of the Emperor's theatres. Season 1902–1903]. Moscow, 1903, iss. 13, pp. 199–200.
6. Glinskiy B. B. *Istoricheskiy vestnik* [Historical bulletin]. 1897, vol. 68, no. 5, pp. 536–573.
7. T. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 1897, no. 4, pp. 727–770.
8. Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and works of M. P. Pogodin]. Saint-Petersburg, 1898, vol. 12, head XXXIII–XXXV. Literary works of A. F. Pisemsky and A. N. Ostrovsky, pp. 87–88.
9. Pisemskiy A. F. *Poln. sobr. soch.: v 20 t.* [Complete collection of works: in 20 volumes]. Saint-Petersburg; Moscow: Tovarishchestvo M. O. Vol'f, 1895, vol. 9.
10. Pisemskiy A. F. *Sobr. soch.: v 9 t.* [Collected works: in 9 volumes]. Moscow, 1981, vol. 9.
11. Vengerov S. A. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 1886, bk. 2, pp. 581–612.
12. Pisemskiy A. F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad, 1936.
13. Polevoy P. N. *Istoricheskiy vestnik* [Historical bulletin]. 1889, vol. 38, pp. 267–295.
14. Nelidov F. F. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1901, vol. 33, pp. 1–37.

15. Totubalin N. I. *Uchenye zapiski Lenigradskogo universiteta. Voprosy istorii russkoy zhurnalistiki* [Proceedings of Leningrad University. Historical problems of Russian journalism]. 1957, vol. 218, iss. 33, pp. 58–87.

Тимашова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории русской литературы
и фольклора, Институт филологии
и журналистики, Саратовский
государственный университет
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Timashova Ol'ga Vladimirovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of history
of Russian literature and folk art, Institute
of philology and journalism, Saratov State
University
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: kirlif@info.sgu.ru

УДК 821.161.109+929 Писемский

Тимашова, О. В.

**Роль мемуарных материалов на первом этапе изучения журнала
«Москвитянин» / О. В. Тимашова // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 70–81.**